

А.Д. Васильев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ТУЗЕМЦАМИ- МУСУЛЬМАНАМИ РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ТУРКЕСТАНЕ И ФРАНЦУЗСКОЙ В АЛЖИРЕ

Присоединение Алжира к Франции и Туркестана к России было совершено руками военных, которые и управляли обоими регионами. Хотя гражданское и военное управление в Алжире в целом отличалось от организации административной системы в дореволюционном Туркестанском крае, но можно провести определенные параллели между режимами колониального управления. Важной чертой является то, что в обоих случаях были подчинены территории с коренным мусульманским оседлым и кочевым населением, исповедовавшим ислам суннитского толка с сильным влиянием суфизма. Определенное сходство можно обнаружить между местными формами и методами военного управления. В статье проведено предварительное сравнение методов колониального управления, которые использовались Россией и Францией, и эволюции законодательного статуса на завоеванных территориях.

Ключевые слова: Туркестан, Алжир, методы колониального управления

Присоединение Алжира к Франции и Туркестана к России было совершено руками военных. Они же первоначально управляли обоими регионами. Гражданское и военное управление в Алжире в целом отличалось от организации административной системы в дореволюционном Туркестанском крае. Тем не менее можно провести определенные параллели между режимами колониального управления. Важной чертой является то, что в обоих случаях были подчинены территории с коренным мусульманским оседлым и кочевым населением. Определенное сходство можно обнаружить между местными формами и методами военного управления, что позволяет предположить знакомство обеих колониальных администраций с практическим опытом друг друга. Рассмотрим методы управления, которые использовались Россией и Францией на завоеванных территориях и в колониях и попытки законодательного регулирования их статуса в обеих странах.

Александр Дмитриевич Васильев, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН.

Становление и развитие системы управления Алжиром

Военно-административная структура сложились в Алжире уже в 1830–1845 гг., когда на всех оккупированных территориях там был установлен военный режим. Как вспоминал Пейн, военный начальник в Бу-Саада, «я чувствовал себя едва не королем и обладал неограниченной свободой рук. Великие племена всадников Ходны, эти кочевники Улед Наиль, не знали другого начальника, кроме меня, и не слушались никого другого»¹.

После завершения завоевания территория Алжира была разделена на провинции, находившиеся под военным и гражданским управлением. Королевским Ордонансом от 18 апреля 1845 г. в Алжире были введены первые гражданские территории, управлявшиеся по законам метрополии. Однако, в 30–60-е гг. большей частью страны еще управляли военные². В 1845 г. Алжир разделили на три провинции – Алжир, Оран и Константину, каждой из которых управлял французский дивизионный генерал. Провинции состояли из «военных подразделений» (*subdivisions militaires*), а они в свою очередь из «округов» (*cercles*). Функции исполнительной и судебной власти в алжирских селениях исполнял ага арабов (*agha des Agabes*), который назначался из числа алжирской военной знати (*джуад*). Затем его сменил старший офицер французской армии. Интересно, что французское административное деление учитывало опыт своих противников и военные территориально-административные единицы создавались в границах халифатов – административных районов государства Абд ал-Кадира. Впоследствии управление колонией неоднократно изменялось.³

Система, подобная российскому варианту военно-народного управления, разрабатывалась в Алжире в первой половине XIX в. Здесь были созданы специальные «Арабские бюро» (*bureaux arabes*), ставшие инструментами косвенного управления местными жителями-мусульманами. В сферу ответственности арабских бюро, несмотря на название, входило и управление кочевниками-берберами в районах их кочевков. Пробразом этих бюро стало арабское управление под руководством генерала Е. Дома, созданное по решению маршала Бюжо в начале 40-х гг. XIX в. Непосредственно историю этих бюро начинают с постановления 1 февраля 1844 г. Лишь маршал Мак-Магон 21 марта 1867 г. окончательно утвердил структуру и обязанности этих административных институтов.

¹ *Yacono X.* Bureaux arabes // *Encyclopedie berbere*. Т. 9. Aix-en-Provence, 1992. P. 1659.

² *Collot C.* Les institutions de l'Algerie Durant la periode coloniale (1830–1962). P., 1987. P. 7–8.

³ Достаточно подробно о системе колониального управления в Алжире рассказывает А.Н. Куропаткин в своей книге «Алжирия». См.: *Куропаткин А.Н.* Алжирия. СПб., 1877. С. 106–128.

Арабские бюро имели смешанную франко-алжирскую администрацию. При этом в Алжире сложилась определенная властная иерархия институтов косвенного управления. В ее основе находились бюро второго класса, учрежденные при старших офицерах французской армии, руководивших туземными округами. В каждое из них входили врач, переводчик, кади, два секретаря, судебный исполнитель (чауш) и отряд «туземных» полицейских (спаги и махзен). При генералах, стоявших во главе территорий военных округов, были сформированы бюро первого класса. В соответствии с иерархией над ними находились бюро дивизий. С 1867 г. Арабские бюро французского Алжира объединяло и возглавляло единое политическое бюро. Его обязанностью было координировать их действия и оперативно взаимодействовать с алжирским генерал-губернатором. Кроме того, при низовых бюро округов были созданы филиалы вышестоящих бюро. Их число постоянно увеличивалось, и с 1844 по 1870 г. от 21 до 49 бюро с 5 дополнительными филиалами. Под их властью находилось от 1,5 до 2 млн «туземцев», управлявшихся примерно 200 французскими офицерами¹.

Арабские бюро были созданы как вспомогательные учреждения при военной администрации. Они собирали налоги, оказывали коренному мусульманскому населению юридическую, а с 1867 г. и врачебную помощь². Генерал Дома, руководивший всей сетью арабских бюро, так описывал их задачи: «Это учреждение имеет целью упрочить длительное умиротворение племен созданием постоянных и справедливых органов управления, проторить пути нашей колонизации и распространения нашей торговли поддержанием общественного порядка, защитой всех законных интересов и увеличения благосостояния туземцев»³.

Историю Арабских бюро Алжира принято делить на три периода. Первый, завершившийся с завоеванием большей части Алжира Францией в 1858 г., ознаменовал «умиротворение» и организацию исполнительной, судебной и военной власти в районах, где отсутствовала европейская гражданская администрация. После покорения Кабилии, в 1858–1870 гг., Арабские бюро взяли на себя управление туземцами-мусульманами. Наибольшего расцвета эта система достигла во времена Второй империи, когда Париж вернулся к модели военного «режима сабли», отмена которого в пользу политики ассимиляции Алжира с метрополией произошла при Третьей республике во Франции (1870–1940).

¹ Collot C. Les institutions de l'Algerie. P. 39.

² Yacono X. Les bureaux arabes et les transformations des genres de vie indigenes dans l'ouest du Tell algerois. P., 1953.

³ Yacono X. Bureaux arabes. P. 1658.

При поддержке офицеров Арабских бюро для мусульман Алжира в 1854 г. была начата судебная реформа. Создавалась иерархия судебных учреждений (махакем) для разбора исков среди «туземцев» по обычному и мусульманскому праву. В основе этой иерархии был кади – шариатский судья, имевший право обращаться к местному обычному праву (адату) при решении уголовных дел. В провинциальных центрах были созданы апелляционные суды, где можно было обжаловать решения кади. Новые мусульманские суды имели большой успех в алжирской деревне, поскольку были бесплатными и свободными от волокиты. Но гражданские власти и европейские колонисты, лишённые при Наполеоне III прав французского гражданства, восприняли их враждебно, как и все связанное с военным «режимом сабли». Газеты с возмущением писали о «палачах из арабских бюро, <...> этой антифранцузской клике <...> занесшей топор над головой французов»¹.

Декретом от 24 декабря 1870 г. политическое бюро и подчинявшаяся ему сеть Арабских бюро были упразднены². В 1871 г. в результате новой реформы была сокращена сеть мусульманских судов. Лишь небольшая часть Арабских бюро продолжала действовать на Южных территориях. Бюро меняли название на туземные, но до 1956 г. сохраняли прежние функции. На остальной территории Алжира они исчезают с 70-х гг. XIX в.

Русский Туркестан как отражение французской Северной Африки

Деятельность Франции по обустройству и организации власти, общества и экономики в Северной Африке привлекала внимание российских высших военных и гражданских чиновников в Туркестане. Многие российские военные востоковеды, дипломаты и военные администраторы-«туркестанцы» сравнивали французский и российский опыт.

Например, крупнейший и наиболее известный русский генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман за несколько лет до своего назначения в Туркестан, в 1860–1861 гг., совершил ознакомительную поездку в Европу «по научной части», где ознакомился с состоянием французской армии, ее инженерным корпусом, в том числе и в Алжире, и общим военно-политическим состоянием³.

Другой видный российский военный, востоковед и администратор А.Н. Куропаткин, впоследствии военный губернатор Закаспийской об-

¹ Цит. по: *Бобровников В.О.* Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами. // *Кавказский сборник.* Т. 7(39). М., 2011. С. 248.

² *Уасоло Х.* *Op. cit.* P. 1667.

³ РГИА, Ф. 954 «Кауфманы». Д. 75, 79, 80, 81, 82, 83, 85.

ласти, военный министр, в 1874–1875 гг. совершил путешествие в Алжир, итогом которого стала его книга «Алжирия», написанная на основе серии очерков путешествия в русских газетах «Военный сборник» и «Русский инвалид». В ходе поездки Куропаткину удалось даже принять участие в рекогносцировочной экспедиции французских войск в Большую Сахару.

Еще один известный практик военной администрации Туркестана, участник туркестанских походов и впоследствии начальник Азиатской части Главного Штаба Л.Ф. Костенко, будучи старшим адъютантом штаба Туркестанского ВО, совершил в 1876 г. поездку в Северную Африку. Л.Ф. Костенко оставил описание своего путешествия по Алжиру и Тунису. При этом его интересовало сравнение колониального опыта России и Франции: «В Алжирии меня интересовала также аналогия, существующая между нашими среднеазиатскими владениями и владениями французов на северном берегу Африки, между нашим экономическим положением и таковым же французов, нашими политическими целями и ожиданиями в Средней Азии и целями французов в их африканской колонии»¹. Тунис интересовал его как образец независимых мусульманских владений в Северной Африке².

Известный общественный деятель, ученик видного российского востоковеда и православного миссионера Н.И. Ильминского, инспектор училищ, директор семинарии и гимназии в Ташкенте, и сподвижник К.П. фон Кауфмана Н.П. Остроумов, будучи также известным исследователем ислама, весьма активно изучал французский опыт взаимоотношений с мусульманами и мер по борьбе с радикальными антиправительственными выступлениями³.

Интересовал русских военных и гражданских востоковедов не только опыт собственно Алжира, но впоследствии также сравнение русской и французской систем протекторатов. Наиболее последовательно этот опыт обобщен в работе А.Ф. Губаревича-Радобильского «Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората»⁴. Губаревич-Радобильский продолжительное время работал в таможенных органах различных областей Туркестана и в 1910 г. стал начальником Туркестанского таможенного округа.

¹ Костенко Л.Ф. Путешествие в Северную Африку. СПб., 1880. С. 2–3.

² Там же. С. 3.

³ Остроумов Н.П. Меры Алжирской администрации в борьбе с мусульманским фанатизмом // Туркестанские ведомости. 1911. №№162, 163, 164.

⁴ Губаревич-Радобильский А.Ф. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905.

Разработка системы управления Русским Туркестаном

После завоевания Туркестана и части Кокандского Ханства в 1863–1865 гг. перед царскими властями встал вопрос об административном переустройстве этих территорий. Для решения вопроса об управлении ими был сформирован особый комитет под председательством военного министра Д.А. Милютин. Итогом стал закон от 12 февраля 1865 г., которым на завоеванных территориях была сформирована Туркестанская область во главе с военным губернатором, которым стал генерал М.Г. Черняев. Согласно первоначальным планам, отраженным в законе, он подчинялся оренбургскому генерал-губернатору.

Проблема административного устройства в Туркестане решалась поэтапно. Вначале, с 1865 г., происходило налаживание и развитие экономических, социальных и политических отношений между Россией и присоединенными к ней народами, соблюдалось невмешательство в их быт, общественное устройство. При этом одновременно проводилось укрепление позиций и авторитета царских властей в Туркестане, поиск вариантов управления на разных уровнях. В 1865 г. для изучения положения на месте и ознакомления с местными условиями была создана «Степная комиссия», которая завершила свою работу в марте 1867 г. По мнению исследователей¹, новый этап апробации методов управления присоединенными территориями наступил в 1867 г. После завершения работы «Степной комиссии» Александр II учредил особый комитет по устройству среднеазиатских владений. Председателем комитета был назначен Д.А. Милютин, членами комитета являлись оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, директор азиатского департамента МИД Н. Стремоухов, начальник генштаба М.А. Гейден, М.Г. Черняев, Д.И. Романовский, М. Воронцов-Дашков, а также члены Степной комиссии – Ф.К. Гирс, Н.Н. Гейнс, Проценко и др. Комитет изъял среднеазиатские владения из ведения Оренбурга, несмотря на возражения Крыжановского, и постановил образовать отдельное Туркестанское генерал-губернаторство². Было решено отделить Туркестанскую область от Оренбургского генерал-губернаторства, включить в рамки Туркестанской области часть Семипалатинской области, составить особый проект управления этими территориями на основе решений комитета и «придать новому краю самостоятельную военную организацию на общих основаниях военно-окружной системы»³.

¹ *Тухтаметов Т.Г.* Правовое положение Туркестана в Российской империи (вторая половина XIX в.). Уфа, 1999. С. 9.

² *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 226.

³ Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности. Т. 1. С. 165.

В состав генерал-губернаторства вошли территории по течению р. Сырдарьи, Туркестанская область, Ташкент с прилегающими окрестностями и часть Семипалатинской области. По решению императора, генерал-губернаторство решено было разделить на Сырдарьинскую и Семиреченскую области¹. Таким образом, к 1867 г. территория генерал-губернаторства с Востока была ограничена восточным берегом Аральского моря, на севере граничила с Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями Оренбургского генерал-губернаторства, на востоке — с Китаем, а на юге с Кокандским и Хивинским ханствами и Бухарским эмиратом.

Решением комитета под председательством Д.А. Милютинина было решено возложить опять на Степную комиссию разработку «Положения об управлении» завоеванным краем, а Главному штабу поручить разработать проект положения об управлении новым военным округом. При этом Д.А. Милютинин были сформулированы основные принципы, которыми должны были руководствоваться чиновники при составлении данных «Положений». Во-первых, это неразделенность военной и административной власти, сосредоточение ее в одних руках; что обосновывалось пограничным положением указанных территорий и фактически состоянием войны с соседними ханствами; во-вторых, внутреннее управление местным населением по всем делам, не имеющим политического значения, предоставить выборным лицам из местного населения с учетом местных обычаев. Таким образом, Степная комиссия должна была приблизить устройство администрации к российским нормам и традициям, соблюсти право местного населения выбирать управляющих низшими административными единицами, разделить суд и администрацию².

Итогом работы Степной комиссии стал подготовленный в 1867 г. проект «Положения об управлении Семипалатинской и Сырдарьинской областями». В проекте рассматривались вопросы организации администрации, областного и местного управления, суда, хозяйственных и общественных управлений, вопросы о податях, сборах и повинностях, функционирование финансовых учреждений, организация почты и здравоохранения. Проект оставлял Туркестанское генерал-губернаторство в ведении военных. Административная структура состояла из главного управления и областных управлений. В состав Главного управления входили генерал-губернатор, его канцелярия и аппарат. Областное управление состояло из военного губернатора с помощником и областного правления с председателем. В состав областного правления входило три отде-

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 261/911. Д. 103. Л. 2.

² Туркестанский сборник. Т. 1. С. 167.

ления: распорядительного, хозяйственного и судебного. Во главе каждого из них стоял начальник. Военным губернаторам предоставлялись права и обязанности губернаторов, с дополнением обусловленных местной спецификой функций. В отличие от других губерний империи, им не полагалась канцелярия, и они должны были лично управлять хозяйственными, финансовыми, судебными делами и т.п. Областные правления выполняли функции губернских правлений, казенных и судебных палат. Областные правления вели дела по административному делению и обустройству области, занимались организацией выборов в местные органы управления; разбирали политические происшествия и иные вопросы; вели наблюдение за подозрительными лицами и ведали здравоохранением.

Согласно проекту, области делились на уезды. Управление ими осуществлялось уездным начальником и канцелярией при двух помощниках, один из которых был из числа местных жителей. В каждом уезде должно было находиться почтовое отделение, уездная касса. В штате необходимо было содержать уездного врача и повивальную бабку. Предусматривалось создание в Ташкенте хозяйственно-общественного управления. Оно должно было организовывать городское хозяйство, заниматься раскладкой и взиманием податей¹. Управление находилось в ведении городского начальника, городничего и его помощника, делилось на управления русской и туземной частью и основывалось на выборных началах².

Территории проживания кочевого населения управлялись несколько иначе. Места их стойбищ подразделялись на волости размером от 1000 до 2000 кибиток. Волости формировались не объединением родов, а объединением аулов, зимовки которых соседствовали друг с другом. Волостные управители и аульные старшины избирались кочевым населением³. Выборы были непрямыми, с участием выборщиков – по одному от каждых 10 кибиток в ауле и по 1 выборщику от каждых 50 в волости. Местное население определяло размер содержания управителям и старшинам. Местное оседлое же население вверялось аксакалам. Аксакалы избирались местными жителями из каждых двух соседних поселений на «народном сходе» сроком на три года. В городах Туркестана жители кварталов также имели право выбирать «квартального» аксакала. Аксакалы приравнивались в своем правовом статусе к волостному управителю у кочевников⁴.

¹ Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». СПб., 1867. Ст. 71–77.

² Там же. Ст. 78–79.

³ Там же. Ст. 84–93.

⁴ Там же. Ст. 116–127.

В судебном отношении местному населению сохранялось право судиться в традиционных судах казиев и биев. Исключение составляли только дела о нарушении общественного порядка и политические преступления. Для решения дел уголовных, и исковых на сумму более 100 рублей созывались съезды казиев и биев, причем время и место съезда устанавливалось царской администрацией.

Отдельно были введены органы судебной власти, рассматривавшие обращения на основе общеимперских законов. Так, были организованы уездные суды для разбора дел между русскими и между русскими и местным населением; военные суды, которые разбирали политические преступления. Областные правления наделялись правами судебной палаты и разбирали преступления против собственности и общественного порядка¹.

С кочевого населения проект предусматривал кибиточный сбор не менее 2 руб. 75 коп. с кибитки. Показания о числе кибиток фиксировались волостными выборными в ведомостях, которые предоставлялись русскому начальству во время проведения волостного съезда. Верность показаний подтверждалась волостным правителем путем заверения ведомости своей печатью. Далее эти показания проверял уездный начальник, который по числу аульных выборных мог определить число кибиток в каждом ауле с точностью 90/100, а по числу волостных выборных на съезде с точностью 950/1000. Цифра кибиточного сбора с волости по проекту определялась числом кибиток и умножалась на 2 руб. 75 коп. Полученная сумма раскладывалась волостными выборными на аулы не из расчета числа кибиток, а в зависимости от благосостояния жителей. Затем аульные выборные, узнав о сумме, следующей к уплате с их аула, раскладывали ее по кибиткам, пропорционально состоянию каждого кочевника. В случае утайки действительного числа кибиток волостной управитель и волостные выборные подвергались штрафу в размере двойной цифры утаенной кибиточной подати. Для покрытия расходов съезда и материальной заинтересованности волостных выборных в полном поступлении податей, по проекту, им предусматривалось 10% от кибиточной подати, собираемой в волости².

С оседлых жителей полагалось собирать харадж, танапную подать и закят³. Размер танапной подати определялся по танапу и сортам земель-

¹ Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». СПб., 1867. Ст. 129–145.

² Там же. Ст. 255–278.

³ Там же. Ст. 279–280. Харадж – мусульманская подать с продуктов земледелия, собиравшаяся в натуре, в размере 1/10 части урожая. Танапная подать взималась с тех продуктов, которые не могли собираться в натуральном виде, и вносилась деньгами. Закят – подать с торгового капитала в размере 1/40 части стоимости ввозимых и вывозимых товаров.

ных продуктов. Очистив свой капитал уплатой закята, купец в течение года имел право торговать на этот капитал беспошлинно. Согласно проекту «Положения...» 1867 г. традиционные для мусульманского общества должности серкеров и закятчи, занимавшихся до появления русских сбором отмеченных податей, были ликвидированы, а их обязанности возложены на хозяйственные и общественные управления. Общественные управления должны были состоять из 3-5 членов, избираемых населением. Общественные управления, как это делали и серкеры, обязаны были вносить в регистрационные книги всех лиц, обрабатывающих землю, количество собранного ими хлеба и число танапов, занятых под сады, плантации, виноградники. После получения необходимых сведений хозяйственные управления были обязаны представить списки по хараджу и танапной подати уездным начальникам, причем последние по проекту имели право проверить точность показаний контрольной перемеркой хлеба либо площадей садов и сличением полученных цифр с данными хозяйственных управлений. Членам хозяйственных управлений по проекту положено было выдавать 10% от суммы, поступающей в казну от хараджа и танапной подати. Следует заметить, что такая система сбора податей избавляла от необходимости строго регламентировать порядок их взимания и давала возможность контролировать поступления в казну вплоть до того, пока царской администрацией не была произведена хозяйственная съемка оседлых поселений Сырдарьинской области¹.

На хозяйственные управления по проекту также возлагался сбор закята. Каждый торговец обязан был ежегодно к назначенному военным губернатором сроку объявить надлежащему хозяйственному управлению размер своего капитала, с которым он торгует или намеревается торговать в течение года. Хозяйственное управление в свою очередь определяло сумму, подлежащую к уплате в казну. По уплате закята каждый торговец получал от хозяйственного управления свидетельство, дающее ему право торговать беспошлинно по всей России в течение года². По этим свидетельствам и контрольным листам, которые должны были храниться в книгах хозяйственных управлений, учитывались лица, уплатившие закят. Если некоторые лица уклонялись от уплаты хараджа, танапной подати или закята либо платили их в меньших размерах, то члены хозяйственного управления подвергались штрафу в размере двойной сокрытой суммы³.

¹ Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». СПб., 1867. Ст. 245–254.

² Там же.

³ Там же. Ст. 254.

Финансовая, почтовая и медицинская части по проекту были устроены на общих имперских основаниях¹.

Служащим по военно-народному управлению в Туркестанском генерал-губернаторстве по проекту предполагалось предоставлять права, существовавшие для привилегированных губерний империи с незначительными добавлениями, что подчеркивало их исключительное положение.

Подготовленный «Степной комиссией» проект положения был рекомендован как окончательный и передан на утверждение. По ряду причин Александр II не ратифицировал его, но, тем не менее, царская администрация руководствовалась им вплоть до 1887 г.

Одновременно с подготовкой проекта «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», в Главном штабе был окончательно выработан проект «Положения о Туркестанском военном округе». Ранее действовавшее положение о военном управлении Туркестанской областью 1865 г., введенное непосредственно вслед за покорением Средней Азии, по мере усложнения политической обстановки и усиления войск Туркестанской области резервами перестало решать поставленные задачи. По мнению царских военных чинов, причиной неудовлетворительного состояния войск области в хозяйственном отношении было именно это положение. В связи с этим и был подготовлен проект нового положения, который более соответствовал военно-политическим задачам края. По проекту Туркестанский военный округ (далее ТуркВО) включал Сырдарьинскую и Семиреченскую области. В военном отношении ТуркВО был образован на основании «Положения о военно-окружных управлениях». Начальник ТуркВО по проекту наделялся полномочиями на ведение дипломатических сношений с соседними ханствами и в случае надобности с китайскими властями². Права командующего войсками ТуркВО были переданы туркестанскому генерал-губернатору. Войсками в областях командовали военные губернаторы на правах командиров дивизий. С этой целью при каждом из них были образованы дивизионные штабы. Командирам дивизий также поручалось ближайшее ведение пограничных дел по инструкциям, разрабатываемым туркестанским генерал-губернатором. Местное военное управление в уездах вверялось уездным начальникам, которым непосредственно и подчинялись дислоцированные там войска. Уездные начальники обязаны были во всех случаях руководствоваться в своей служебной деятельности имперским «Положением о губернаторском воинском началь-

¹ Проект «Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях». СПб., 1867. Ст. 356–374, 375–380, 381–387.

² Туркестанский сборник. Т. 1. С. 161.

нике». Делопроизводство по военному управлению, как впрочем, и по гражданскому, сосредотачивалось в уездном управлении. Вследствие отделения двух полковых округов – 9-го и 10-го – от состава Сибирского казачьего войска, находившихся в присоединенной к ТуркВО части Семипалатинской области, в Военном министерстве также были подготовлены основные начала положения об управлении казачьим населением; причем из состава этого населения образовали особое войско, которому дали название «Семиреченское». Войско должно было подчиняться семиреченскому военному губернатору, которому предоставлялись права и обязанности наказного атамана Семиреченского казачьего войска.

Как видно, два подготовленных проекта положения по управлению гражданским населением и управлению ТуркВО по части военной были практически идентичными.

Впоследствии к Сырдарьинской и Семиреченской областям в результате мирного договора с Бухарой в 1868 г. были присоединены Самарканд с окрестностями и несколько бекств по течению р. Зеравшан, которые в дальнейшем образовали Самаркандскую область в составе Туркестана. После Хивинского похода в составе Туркестана появилась новая административная единица – Амударьинский отдел, образованный на землях правого берега Аму-Дарьи, отторгнутых от Хивы. После подавления кокандского восстания в 1876–1879 гг. и ликвидации Кокандского ханства на его месте была сформирована Ферганская область, также вошедшая в состав Туркестана. Для этих территорий, за исключением Амударьинского отдела, были сформированы свои «положения об управлении», в основном совпадавшие с «положением» 1867 г. Исключением стал Амударьинский отдел, начальник которого руководствовался прямыми инструкциями из Ташкента, подчинялся непосредственно генерал-губернатору, и которому предписывалось контролировать действия хивинского хана и кочевников-туркмен и каракалпаков.

Правовое положение Алжира и Туркестана

Параллели между Французским Алжиром и Русским Туркестаном можно проследить и в их неординарном, но, вместе с тем, и весьма неопределенном статусе по сравнению с другими владениями и территориями метрополии.

Споры о правовом статусе заморских территорий имели место и во французской литературе времен Алжирской войны¹. Они начались еще в 1840-х гг., когда Бюжо только вел завоевание Алжира. В то время как в

¹ Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха (Северная Африка XIX–XX вв.). М., 1998.

стране действовал чисто военный режим, а в Алжире продолжалось завоевание, депутаты французского парламента пытались трактовать Алжир как продолжение Франции, а первые колонисты выступали за полное равенство колонии с метрополией в правах.

В конце XIX – начале XX в. в дебаты о правовом положении и будущем статусе как Туркестана, так и Алжира включились представители местных мусульманских элит. Получив европейское (российское, европеизированное турецкое или/и французское) образование, они уже вырвались из местной общины, но еще не были полностью интегрированы в высшее общество метрополии. В Алжире инженеры, медики, юристы и журналисты «из туземцев» претендовали на роль выразителей интересов колонии, требуя себе равных с выходцами из метрополии прав. Они образовали партию «младоалжирцев», выступавших за отмену «туземного кодекса» (*Code d'indigénat*) как источника отсталости колоний¹. Среди мусульман Российской империи преобладала такая же тенденция – уравнивания мусульман и православных подданных в правах и обязанностях. Однако и здесь проявилась «особость» Туркестана, где в начале XX в. началась борьба между традиционалистами и джадидами (сторонниками обновления общественной жизни, выступавшими за реформу мусульманского образования) о формах будущего социального и политического устройства колоний. В России и в частности в Бухарском и Хивинском ханствах, они образовали движения младобухарцев и младохивинцев, а также мусульманскую фракцию в Государственной Думе².

Необходимо сказать, что завоевание Туркестана и Алжира носило колониальный характер. Главным признаком колонии в обоих случаях был туземный статус населения, автономного, ограниченного в правах (или не обладающего равными правами) по сравнению с гражданами метрополии или Центральной России. Отдельно стоит упомянуть и нелестные отзывы о мздоимстве местных чиновников и нараставшем в Туркестане градусе социального недовольства, которое вылилось в ряд кровопролитных восстаний против царской власти. Туземный кодекс был отменен в Алжире частично в 1919 и 1936 гг. (полностью лишь в 1945 г.³), а в Туркестане всеобщее равенство формально даровала Октябрьская революция. Массовая колонизация значительной части земель Алжира и Туркестана в последней трети XIX в. соединяла Алжир и Туркестан с

¹ См.: Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М., 1985.

² Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. С.554–567.

³ Collet C. Les institutions de l'Algerie. P.16, 119, 126–127.

метрополиями. В Алжире она привела к созданию европейской колонии, отстаивавшей право на равные привилегии с жителями метрополии. Правда, в Туркестане переселенцы не имели перед мусульманами тех привилегий, какими обладали колонисты в Алжире. Однако они имели право владеть оружием, их судебные дела разбирались в отдельных судах. На территориях военно-народного управления русская колонизация была до конца XIX в. фактически запрещена, учитывая нехватку земель и возможное недовольство местного населения. Однако с проведением Среднеазиатской железной дороги в край увеличился приток населения из центра Империи (преимущественно русских и украинцев). В это же время русские власти стремятся создать в крае надежную опору для местной власти из русских колонистов. Так, известный царский офицер, востоковед и губернатор Сырдарьинской области Н.Н. Гродеков говорил, что «... в Средней Азии для закрепления края за Россией каждый новый русский поселок значит больше, чем новый батальон».¹ Учитывая местные обстоятельства, а также значительное число поселенцев, не сумевших устроиться в Туркестане и вернувшихся назад, было решено сделать ставку на крепкие единоличные кулацкие хозяйства. Как правило, русские поселки располагались вблизи железнодорожных станций, дорог, линий телеграфа или военных гарнизонов. Русскому населению предписывалось иметь дома оружие, разрешалось покупать винтовки.

Наконец, важно отметить высокий статус обоих регионов, выделявший их из других колониальных владений. Алжир занимал первое место среди заморских территорий Франции. Русский Туркестан также занимал особое место в структуре империи, хотя постепенно начал терять свое особое положение с конца XIX в., а потом и вовсе утратил его после 1917 г.

Алжир сохранил свое исключительное положение до обретения им независимости в 1962 г. Как и в Туркестане, высшие эшелоны власти во Французском Алжире были тесно связаны с важнейшими министерствами в Париже и были особо приближены к правительству. Ордонанс правительства Луи-Филиппа от 22 июля 1834 г. утверждал во главе французских владений в Африке военного генерал-губернатора. Он обладал широким кругом полномочий и был подотчетен военному министру². Во время Второй республики полномочия военных властей Алжира были существенно ограничены, но с появлением Второй империи они были полностью восстановлены.

При Наполеоне III в 1858 г. должность генерал-губернатора была упразднена, а вместо него было создано специальное министерство Ал-

¹ Русские военные востоковеды. Библиографический словарь. М., 2005. С. 67–68.

² *Collot C. Les institutions de l'Algerie. P. 7.*

жира. Оно вместе со всем своим штатом некоторое время существовало в Париже, но в 1860 г. было возвращено в г. Алжир. В том же году был восстановлен и пост генерал-губернатора, которым стал авторитетный маршал Пелисье. Император намеревался упрочить власть Франции в Северной Африке, создав «арабское королевство» в Алжире. В 1863 г. Наполеон III, обращаясь к Пелисье, отмечал, что под его покровительством у туземцев должны быть равные права с колонистами¹.

После падения империи в 1870 г. особый статус Алжира был пересмотрен. Генерал-губернатор Алжира был переподчинен министерству внутренних дел. Законом от 26 августа 1881 г. все службы и ведомства в Алжире подчинялись аналогичным министерствам в метрополии. Генерал-губернатор из полновластного хозяина территорий превращался в простого исполнителя распоряжений парижского начальства. Постановлением 19 декабря 1900 г. был положен конец периоду организации автономной колонии в Алжире. С этого времени начинается период объединения (или ассоциации) Алжира с Францией. Вместе с тем полномочия высшего алжирского руководства к этому времени вновь расширяются. С 1898 г. генерал-губернатор вновь становится одним из первых лиц в высшей парижской бюрократии. Кандидата назначал Совет министров по представлению министра внутренних дел. Он представлял высшую исполнительную власть Франции в Алжире, имея право совещательного голоса при назначении из Парижа всех крупных чиновников в Алжире. Французский исследователь Клод Коло считал, что до 1947 г. генерал-губернатор был «не просто высшим префектом, но настоящим вице-королем Алжира, подотчетным только перед министерством внутренних дел»².

После завоевания Туркестана и его включения в общественно-политические отношения империи царская администрация столкнулась с проблемой государственно-территориального устройства и определения формы местного самоуправления с учетом особенностей региона. На первом этапе был применен опыт наместничества, связанный с необходимостью координировать действия непосредственно на месте, распределять скудные, прежде всего финансовые и военные, ресурсы из единого центра. Именно поэтому был выбран в определенном смысле «мобилизационный» характер управления областью, связанный с ее удаленным и «самостоятельным» положением³. Вместе с тем общеимперский опыт административно-территориального деления подсказы-

¹ Collot C. Les institutions de l'Algerie. P. 9.

² Ibid. P. 12.

³ См., например: Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Ташкент, 1912. Т. 19.

вал, что область должна была входить в состав более крупной территориально-административной единицы – губернии. Поэтому первоначально получил развитие проект включения Туркестанской области в состав Оренбургской губернии. Однако область серьезно отличалась от среднестатистических областей империи. В ней действовали военно-административные нормы. Она была разделена не на области и уезды, а на военные отделы. Управляющим губернией являлся военный, что, вероятно, было связано с нестабильной военно-политической обстановкой в регионе. Кроме того, генерал-губернатор подчинялся не министерству внутренних дел, а военному министерству и напрямую императору.

Правовой статус начальника области включал как права военного губернатора, так и права гражданского. Таким образом, военный губернатор в своей деятельности должен был учитывать и гражданские административные постановления, например «Учреждения о губерниях» (1775), «Наказа гражданским губернаторам» (1873) и пр. Однако в силу региональной специфики и сложившейся административной практики руководствоваться только этими актами было невозможно¹.

По мнению некоторых исследователей, первый управляющий областью М.Г. Черняев обладал лишь военной властью². А отсутствие конкретных законодательных актов, регулировавших его деятельность, привело к тому, что в повседневной административной деятельности оставалось лишь руководствоваться общими целями, ориентированными на удовлетворение потребностей населения края и установление в нем общественного порядка. Политические задачи были сформулированы первоначально во «Временном положении об управлении Туркестанской областью» 1865 г., согласно которому основной задачей губернатора являлось обеспечение безопасности края. Немаловажным обстоятельством было и то, что, ввиду отсутствия правовой базы, Черняев руководствовался также прямыми инструкциями от вышестоящих начальников – оренбургского генерал-губернатора, министра иностранных дел, военного министра и лично императора. И инструкции эти могли быть довольно противоречивыми. Так, министр иностранных дел А.М. Горчаков предписывал не расширять далее Ташкента имперских территорий, но всячески пресекать нарушение Кокандом и Бухарой целостности новых российских приобретений в крае. А при заключении с ними мирного договора демаркация границ должна была учитывать «действительное занятие нами местностей, составляющих Туркестанскую область и на-

¹ Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 167–169.

² Пашино П. Туркестанский край в 1886 году. СПб., 1868. С. 104, 115.

правление нашей новой линии»¹. В свою очередь, оренбургский генерал-губернатор Крыжановский хотел создания в Ташкенте вассального по отношению к России государственного образования, независимого от Бухары или Коканда².

Для контроля над деятельностью краевой администрации применялись инспекционные поездки вышестоящего начальства в край. В сентябре 1865 г. с инспекцией край посетил оренбургский генерал-губернатор Крыжановский. В первые годы после присоединения в Ташкенте был создан совет из числа царских офицеров и уважаемых горожан, которые принимали решения об управлении городом. Отличительной особенностью царских властей, управлявших краем из Ташкента, стала большая, по сравнению с прочими областями, самостоятельность решений. Именно практика учета местных условий была заложена как основа управления, что выразил К.П. Кауфман словами: «на месте все виднее». Вместе с тем существовало мнение, согласно которому генерал-губернаторы, будучи в целом военными, не могли достаточно эффективно организовать гражданское управление³. Однако в 1867 г. было решено образовать на вновь присоединенных территориях генерал-губернаторство. Обосновано это решение было значительной удаленностью их от центра, враждебностью сопредельных государств и, как следствие, применение в Туркестане военной юрисдикции к гражданскому населению.

Таким образом, при становлении правового статуса края предшествовало несколько административно-правовых форм его организации, сменивших друг друга за относительно короткое время: область в составе Оренбургского генерал-губернаторства, наместничество и генерал-губернаторство. В целом генерал-губернатор Туркестана был наделен гораздо большим объемом полномочий, и его правовой статус был намного выше статуса рядового губернатора. Фактически с 1867 г. генерал-губернатор представлял собой единственного и главного представителя верховной власти в Туркестане, причем власть его ничем не была ограничена. Несмотря на то, «положения об управлении» 1865 и 1867 гг. не были утверждены императором и действовали поэтому полуофициально, императорским указом от 14 июля 1867 г. губернатору края были даны неограниченные полномочия «к решению всяких политических торговых и пограничных дел»⁴. Это объяснялось необходимостью от-

¹ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. С. 188.

² Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Т. 19. Ч. 1. С. 86–88.

³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М., 1978. С. 144–145.

⁴ Перепелицына Л.А. Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии М., 1966. С. 5.

крыть «... широкий и легкодоступный путь нашей отечественной торговли и промышленности вглубь Средней Азии»¹.

Генерал-губернатор Туркестана должен был назначаться на должность и увольняться только императором и подчинялся непосредственно только императору и военному министру. Губернатор был правомочен применять военную юрисдикцию, вводить на территории чрезвычайное положение, начинать военные действия и заключать мирные договоры, определять размеры налогов и податей и взимать их с гражданского населения, осуществлять административное устройство в крае и расходовать бюджет по своему усмотрению. Губернатор был наделен исключительным правом утверждать приговоры военного суда о смертной казни или миловать осужденных². Были обширны и кадровые права: генерал-губернатор предоставлял царю кандидатуры на должности губернаторов областей, их помощников, начальников уездов. Он мог назначать и увольнять чиновников для особых поручений, начальников отделов областных правлений и пр.³

Следует отметить, что один из наиболее заметных и успешных генерал-губернаторов края, К.П. фон Кауфман, в ходе управления краем был в высшей степени самостоятелен в принятии решений, ограничивал и устранял вмешательство в дела края других ведомств, кроме военного министерства. Будучи доверенным лицом военного министра Д.А. Милютина и лично императора Александра II, он выполнял их личные указания и нес полную ответственность за происходящее в крае. Кауфман также взял на себя и законодательную деятельность в крае, о чем свидетельствуют его проекты управления краем 1871 и 1873 г., отраженные в его «Всеподданнейших отчетах», но так и не реализованные. Процесс укрепления «военно-народного» управления в крае продолжали и наиболее видные преемники Кауфмана – М.Г. Черняев и Н.О. Розенбах. При этом «полуофициальная» законодательная база Туркестана опережала в своем развитии общеимперскую, а военные генерал-губернаторы стремились сохранить привилегированное положение края и относительную свободу действий⁴.

В российском Туркестане политика косвенного управления руками туземных элит продержалась до 1917 г., однако еще с начала 1880-х гг. уже обозначилась четкая тенденция на постепенное устранение особого статуса региона с постепенной передачей власти от военных к гражданской администрации.

¹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 34. Д. 346. Л. 91.

² Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. Ст. 3, 5.

³ Там же. Ст. 18, 26, 29, 67.

⁴ *Тухтаметов Ф.Т.* Правовое положение Туркестана в Российской империи. Уфа, 1999. С. 102–103.

Причины сходства управленческих методов и практики в колониях Франции и России

Сравнение колониального опыта Франции в Алжире и России на Кавказе уже было объектом изучения российских исследователей¹. В чем же заключалась причина интереса русской власти в Туркестане к французскому опыту? Прежде всего, налицо внешнее сходство этих пространств. Засушливый климат, горы, пустыни и полупустыни. И Северная Африка, и Туркестан были территориями, населенными преимущественно мусульманами. И там и там имелось и кочевое, и оседлое население, обе территории были чрезвычайно удаленными от центра. Однако было бы не совсем верно приписывать интерес только совпадению внешних факторов. Интерес заключался и в частичном совпадении подходов, что прямо или косвенно подтверждали современники. Весьма любопытное объяснение этого интереса представляет в своей книге Губаревич-Радобильский: «... Францию обвиняли до последнего времени в том, что она не умеет колонизировать покоряемых стран, сравнивая при этом с Англией. Но задачи того и иного государства в отношении колониальной политики совершенно различны, как различна их сущность государственности. Англия – морская страна, имеющая возможность, благодаря своему военному и торговому флоту, не пересоздавая местной жизни в занимаемых ей территориях, вовлекать народы, вошедшие с ней в соприкосновение, единственно в торговый обмен. Чуть местная жизнь начинала крепнуть и создавалась политическая колониальная организация, Англии, как сюзеренной стране, не связавшей свою колонию ближайшим образом со своей государственной организацией, приходилось давать свободу своему вассальному владению. Так было с Северными Штатами, с Канадой, так ныне создались Австралия, так должна создаться в будущем федерация южно-африканских республик. Франция же – страна континентальной централизации. Вступить в сюзеренные отношения значит для нее покорить, пересоздать жизнь по своему централизованному образцу, но вместе с тем и связать занятую территорию навсегда с жизнью метрополии. Россия по типу ее государственной жизни, может становиться и на самом деле становилась к покоряемым странам в отношении, лишь в известной мере приближающиеся к попыткам Франции, и английская система совершенно не соответствует ее государственному строю. Поэтому пример Франции мог бы быть для нас в известной мере назидательным, откинув несходные стороны»².

¹ См.: *Бобровников В.О.* Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами // *Кавказский сборник*. Т. 7 (39). М., 2011. С. 239–262.

² *Губаревич-Радобильский А.Ф.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905. С. 3–4

Также можно отметить, что причиной совпадений и сходств являются общие закономерности строительства империй, а также сознательный обмен опытом. Общим культурным стереотипом при этом и для французов, и для русских был образ «дикого туземца» и представления об особой цивилизаторской миссии метрополии. Важным взаимным источником информации для французских и российских военных востоковедов были переводы научных работ ориенталистов обеих стран. Однако значения таких заимствований и обмена опытом не стоит преувеличивать. Хотя тема использования на практике трудов востоковедов и политиков колониальной эпохи представляет большой интерес, а параллели в имперском строительстве Франции и России на Востоке еще ждут специального исследования.

Список литературы

Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. [Blinov I. Gubernatory: istoriko-juridicheskiy ocherk. SPb., 1905.]

Бобровников В.О. Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами // Кавказский сборник. Т. 7(39). М., 2011. [Bobrovnikov V. Kak Russkiye na Kavkaze i Francuzy v Aljire XIX v. upravliali tuzemcami-musulmanami // Kavkazskiy sbornik. T. 7(39). M., 2011].

Бобровников В.О. Современный мир глазами феллаха (Северная Африка XIX–XX вв.) М., 1998. [Sovremenniy mir glazami fellaha (Severnaya Afrika XIX–XX vv.). M., 1998].

Губаревич-Радобыльский А.Ф. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905. [Gubarevich-Radobylskiy A. Ekonomicheskiy ocherk Buhary i Tunisa. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya dvuh system protektorata. SPb., 1905].

Дьяков Н.Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. М., 1985. [Diakov N. Mladoaljirci i antikolonial'naya bor'ba v Aljire na rubeje XIX–XX vv. M., 1985].

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М., 1978. [Zayonchkovskiy P. Pravitelstvenniy apparat samoderjavnoy Rossii XIX v. M., 1978].

Костенко Л.Ф. Путешествие в Северную Африку. СПб., 1880. [Kostenko L. Puteshestviye v Severnyuyu Afriku. SPb., 1880].

Куропаткин А.Н. Алжирия. СПб., 1877. [Kuropatkin A. Aljiriya. SPb., 1877].

Остроумов Н.П. Меры Алжирской администрации в борьбе с мусульманским фанатизмом // Туркестанские ведомости. 1911. № 162, 163, 164. [Ostroumov N. Mery Aljirskoy administracii v bor'be s musulmanskim fanatizmom // Turkestanskiye vedomosti. 1911. № 162, 163, 164].

Пашино П. Туркестанский край в 1886 году. СПб., 1868. [Pashino P. Turkestanskiy kray v 1886 g. SPb., 1868].

Перепелицына Л.А. Роль русской культуры в развитии культур народов Средней Азии. М., 1966. [Perepelitsina L. Rol' russkoy kul'tury v razvitii kul'tur narodov Sredney Azii. M., 1966].

Положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. СПб., 1867. [Polojeniyе ob upravlenii v Semirechenskoy i Syrdar'inskoy oblastiah. SPb., 1867].

Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь. М., 2005. [Russkiye voennye vostokovedy. Biobibliograficheskiy slovar'. M., 2005].

Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Т. 19. Ташкент, 1912. [Turkestanskiy kray. Sbornik materialov dlya istorii ego zavoevaniya. T. 19. Tashkent, 1912].

Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности. Т. 1., СПб., 1878 г. [Turkestanskiy sbornik sochineniy i statey, odnosiashihsia do Sredney Azii voobshe i Turkestanskomu krayu v osobennosti. T. 1. SPb., 1878].

Тухтаметов Т.Г. Правовое положение Туркестана в Российской империи. (вторая половина XIX в.). Уфа, 1999. [Tuhtametov T. Pravovoe polojeniyе Turkestana v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX v.). Ufa, 1999].

Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте (1906–1916). Казань, 2005. [Usmanova D. Musulmanskiye predstaviteli v rossiyskom parlamente (1906–1916). Kazan', 2005].

Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. [Khalfin N. Politika Rossii v Sredney Azii (1857–1868). M., 1960].

Collot C. Les institutions de l'Algerie Durant la periode coloniale (1830–1962). Paris, Centre National des Recherches Scientifiques. Alger, 1987. P. 7–8.

Yacono X. Bureaux arabes. // Encyclopedie berbere. T. 11. Aix-en-Provence, 1992.

Yacono X. Les bureaux arabes et les transformations des genres de vie indigenes dans l'ouest du Tell gerinois. P., 1953.